

“Крымский синдром”: механизмы авторитарной мобилизации

События 2014 года — аннексия Крыма и спонсирование войны в Восточной Украине, обозначившие резкую радикализацию политики Кремля и положившие начало широкой конфронтации с Западом, стали неожиданностью для большинства наблюдателей. Но не менее шокирующей неожиданностью стала картина всеобщей поддержки нового радикального курса в российском обществе. Картина широкой патриотической мобилизации (получившей в России название “крымнашизма”) выглядит тем более удивительной, что начало 2010-х годов было отмечено заметным ослаблением поддержки путинского режима

и консолидацией нового демократического спроса, проявившего себя, в том числе, в массовых выступлениях оппозиции на протяжении 2012 года. Причем значительные усилия путинской администрации по укреплению авторитарных и репрессивных институтов на протяжении 2012–2013 годов не привели к смене тренда в динамике поддержки режима (см. График 1). Тем удивительнее выглядит почти фронтальный разворот тенденций общественного мнения после аннексии Крыма.

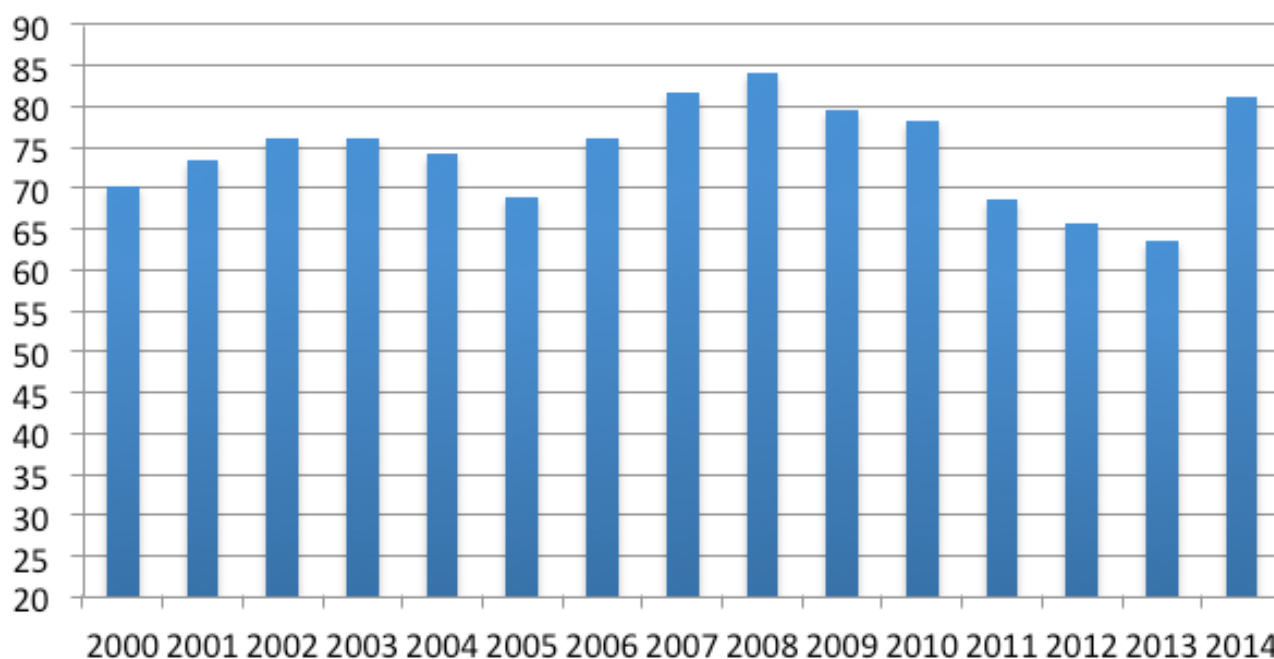

График 1. Среднемесячное значение доли одобряющих В. Путина в должности президента/премьер-министра, %¹

При том, что основным предметом нашего анализа станут механизмы политической мобилизации в условиях авторитарного режима, мы далеки от того, чтобы свести объяснение природы “крымского синдрома” к влиянию пропаганды. Наоборот, “крымский синдром” представляется весьма сложным явлением, которое может быть рассмотрено в нескольких перспективах.

Во-первых и в самом общем виде, крымско-украинский кризис российского политического развития, равно как и предшествовавший ему и спровоцировавший его “малый” кризис 2011–2012 годов, можно рассматривать в контексте перехода от постсоветской к пост-постсоветской легитимности. После болезненного трансформационного кризиса и становления новых национальных государств большинство постсоветских стран (не включенных в орбиту европейского влияния) пережили в 2000-е годы период интенсивного восстановительного роста, сопровождавшегося процессами консолидации национальных политических режимов (средние годовые темпы роста для 12 постсоветских стран в 2000–2008 годах — 8,3%). Быстрый восстановительный рост был фундаментом легитимности этих режимов, позволявшим отложить в сторону некоторые болезненные проблемы внутреннего устройства. Кризис 2008–2009

годов обозначил завершение этого периода и в более или менее ясной форме поставил вопрос о дальнейшем векторе и перспективе развития ряда постсоветских государств, где авторитарный режим в силу разных причин к этому моменту не был достаточно консолидированным (Украина, Молдова, Россия, Армения).

При этом принципиально важными представляются нам два аспекта, характеризующие динамику общественного мнения и вектор национальной дискуссии в начале 2010-х годов.

Во-первых, это эрозия авторитарного консенсуса 2000-х: заметное снижение поддержки централизаторской модели управления, прочно ассоциированной с фигурой Путина (в качестве иллюстрации этой тенденции см. График 2)². Кризис 2008–2009 годов подорвал прочную ассоциацию между идеей централизации власти и экономическими успехами, формировавшуюся на протяжении 2000-х годов. В результате долгосрочная эффективность режима была поставлена под сомнение, а спрос на альтернативные модели управления возростал.

Специально подчеркнем, что имеющиеся данные не свидетельствуют о консолидации доминирующего спроса на демократизацию в начале 2010-х, а скорее о распаде проавто-

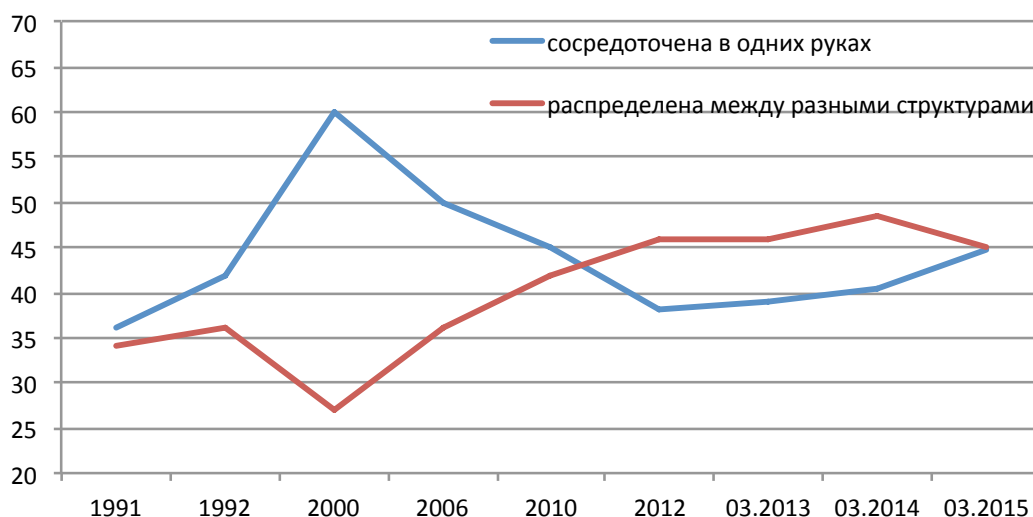

График 2. Динамика распределения ответов на вопрос “Вы считаете, что было бы лучше: чтобы вся власть в стране была сосредоточена в одних руках или распределена между разными структурами, контролирующими друг друга?”

ритарного большинства, наличие которого обнаруживают опросы начала 2000-х годов. Вместе с тем коалиция сторонников прозападнического вектора развития выросла до 33–38% респондентов; число сторонников централизаторской модели, составлявшее в середине 2000-х 45–60%, сократилось до 30–40%, а число ее противников выросло до 40–45%; доля тех, кто считал необходимым усиление подотчетности власти, т.е. ее “контроля снизу”, выросла с 40% до 60%.

Второй важнейшей тенденцией этого периода, непосредственно связанной с поиском новой, пост-постсоветской, идентичности и новых оснований легитимности пост-постсоветских режимов, представляется развернувшаяся в конце 2000–начале 2010-х годов своеобразная конкуренция “национализмов”. Здесь следует упомянуть и фундаменталистский этнический национализм (“Россия для русских”), опиравшийся на обострение проблемы мигрантов и рост ксенофобии в периоде быстрого экономического роста, и демократический национализм новой оппозиции (Навальный), и, наконец, антизападничество и государственнический (часто именуемый имперским) национализм, в наибольшей степени проявившие себя в “крымском синдроме”.

Несмотря на растущий корпус суждений и исследований по этой теме³, она еще, как представляется, ждет своего систематического анализа в применении именно к крымско-украинской коллизии российской истории. В конечном счете, имперские (Крым), этнические (русские на Украине) и антизападнические импликации новой политики Путина стали ответом как на демократический национализм Майдана, так и на образцы демократического национализма, проявившие себя во время протестов в России в 2011–2012 годах. А осуществленная Путиным и российской пропагандой реинтерпретация национализма Майдана как радикального этнического (а не демократического) воспроизводила дискуссию в среде российской оппозиции вокруг национализма Навального и возможности альянса националистов и либералов в борьбе за демократизацию режима.

Вторая принципиально важная перспек-

тива анализа “крымского синдрома” и его генезиса, которой уделяется недостаточно внимания, но которая, в нашем понимании, выглядит ключевой, — экономическая. Как уже было сказано, кризис авторитарного консенсуса был в значительной мере связан с потерей доверия к долгосрочным экономическим перспективам режима⁴. Надо сказать, что такой взгляд на вещи на рубеже 2000–2010-х годов был достаточно широко представлен и в рамках элитного дискурса: вполне сильно звучал голос тех, кто утверждал, что благоденствие 2000-х было связано не с особенностями политической системы, а с ростом нефтяных цен, а выдвинутый тогдашним президентом Дмитрием Медведевым лозунг “модернизации” фактически намечал контуры альтернативной политической повестки, конкурировавшей с представлением об иерархическом контроле и концентрации власти как условиях экономического процветания.

Однако после резкого падения в 2008–2009 годах в конце 2010 года цены на нефть, как известно, вновь устремились к максимумам. В результате именно в 2010–2014 годах Россия пережила самый мощный нефтяной бум в своей истории (в целом доходы от экспорта товаров за 2010–2014 годы составили 2,46 триллиона долларов, что в 1,6 раза превосходило доходы нефтяного бума 2004–2008 годов⁵). Однако отклик экономики на приток нефтедолларов во второй фазе нефтяного бума значительно отличался от ее реакции в продолжение первой фазы: отток капитала увеличился, инвестиционная активность снижалась, а экономический рост замедлялся. В то же время на фоне затухающего роста резко расширялось государственное перераспределение (так, среднегодовые расходы консолидированного бюджета выросли с 31,7% в первой фазе нефтяного бума до 37,6% в 2010–2014 годах). Переток средств от рыночного сектора к нерыночному отражался в структуре и динамике доходов: доля социальных выплат в структуре доходов населения выросла в полтора раза, а доля рыночных доходов резко сократилась. Кроме того, если в среднем по экономике темпы роста зарплат серьезно замедлились (в среднем 5,7% в год), то в бюд-

жетном секторе в 2011–2013 годах реальная заработная росла в среднем на 10,3% ежегодно.

Разрастался не только бюджетный, но и квазирыночный сектор экономики, включавший в себя старые государственные монополии, государственные банки, новосозданные государственные корпорации и нефтяные компании, а также масштабные инфраструктурные проекты, финансируемые под государственные гарантии. В целом в этом периоде перераспределительные сети — как официальные (бюджет), так и квазирыночные и неформальные — играли большую роль в распределении богатства, чем стагнирующий рынок. Связь между ростом благосостояния и рынком оказывалась ослабленной. Такая экономическая ситуация подрывала аргументацию тех, кто предвещал в посткризисном периоде “расплату” за рентный характер экономического роста, и, наоборот, укрепляла представление о “нормальности” высоких доходов от торговли ресурсами и ключевой роли государства в процессе консолидации и перераспределения ренты.

Новая социально-экономическая модель вела к формированию новой коалиции бенефициаров, распределенной по разным социальным стратам (бюджетники, силовики, сотрудники госкомпаний и госкорпораций, оборонный сектор, привилегированный бизнес, держатели административной ренты и пр.). Как представляется, эта многоликая “партия ренты” — партия тех, кто увеличивал в начале 2010-х свое благополучие благодаря расширению перераспределительных практик, — стала благодатной аудиторией путинской доктрины “ресурсного суверенитета”, понимаемого как особая национальная форма экономического развития, с ее проавторитарными и антизападническими импликациями. А аннексия Крыма стала для этой партии знаком принципиального разрыва с доктриной неполноценности российской модели экономики, необходимости модернизации (дальнейшей вестернизации) социального уклада, сокращения масштабов присутствия государства в экономике и уровня политической централизации⁶.

Наконец, третий принципиальный аспект в истолковании “крымского синдрома” свя-

зан с пониманием механизмов политической мобилизации в условиях авторитарного режима. Безусловно, укрепление рентного, квазирыночного социально-экономического уклада сформировало условия энергичной поддержки идеологии “ресурсного национализма”. Однако впечатление тотальности этой поддержки и консолидации абсолютного большинства нации на консервативно-изоляционистских позициях было бы невозможно без специфических институциональных условий, позволяющих авторитаризмам фальсифицировать если не сам факт поддержки, то, во всяком случае, ее масштаб.

Марш лоялистов: “крымский синдром” в социологическом измерении

“Крымский синдром” — феномен, с которым мы имеем дело, — в социологическом смысле состоит даже не в том, что население активно поддержало Путина и его политику в отношении Украины и Запада, а в том, что с марта 2014 года резко и почти фронтально изменились балансы агрегированных предпочтений по широкому спектру вопросов: предпочтительная модель управления и вектор развития, отношение к Западу, восприятие проблемы коррупции и пр. Дело выглядит так, что россияне в большинстве не просто поддержали Путина, но стали по-другому смотреть на вещи. Так, например, доля людей, считающих, что уровень коррупции в стране в последние годы повысился, державшаяся несколько лет на уровне 50%, резко сократилась до 30%. Наоборот, резко выросли оценки всех ветвей и уровней государственной власти. Более того — что совсем уже нетривиально — сразу после аннексии Крыма и начала войны в Восточной Украине резко улучшились не только общие оценки ситуации в стране, но также оценки экономической ситуации и даже личного материального положения. Это тем более поразительно, что 1 и 2 кварталы 2014 года были периодом замедления динамики ВВП и роста доходов населения до практически нулевых отметок; для экономики это были два худших квартала за три предшествующих

года.

Наиболее распространенная точка зрения приписывает этот сдвиг эффекту политической мобилизации — «сплочения под знаменем» (rallying around the flag); или, в более упрощенной формулировке, — эффекту пропаганды. При этом ошеломительный успех пропагандистской машины выглядит неожиданным, учитывая все еще сохраняющуюся относительную открытость российского информационного пространства, и ставит вопрос о готовности общества к восприятию кремлевской доктрины, об органичности ее консервативных и реваншистских импликаций для российского общественного мнения в его сегодняшнем состоянии. В подробном анализе общественных настроений 2014 года Лев Гудков характеризует это состояние общественного мнения как «рессентиментный национализм», корни которого лежат в «двоемыслии патерналистского посттоталитарного сознания»⁷. В такой перспективе пропагандистская кампания лишь консолидировала латентный адаптивный консерватизм доминирующих общественных установок, воспроизводящих структуры, воспитанные еще тоталитарным режимом.

При всей его фундированности такой взгляд, апеллирующий к глубинным структурам общественного сознания, имплицитно понижает значение тех среднесрочных тенденций, которые наблюдались в предшествующие годы, рассматривает их в известной степени как «рябь на воде». Помогая лучше понять настоящее сквозь призму прошлого, такой подход, как представляется, подавляет наше внимание к тем новациям в динамике общественного мнения, которые с высокой вероятностью окажутся определяющими для будущего, т.е. в известной степени редуцирует настоящее. Мы, напротив, считаем важным сконцентрироваться на том, каким образом мог произойти переход от того состояния общественных настроений, которое было характерно для начала 2010-х годов, к новому проавторитарному, консервативному консенсусу. При этом вопрос состоит не только в том, почему доминирующее общественное настроение выглядит сегодня столь консервативным, но и в том, каким образом

совершился переход от достаточно сложной, многомерной картины общественных запросов, которую мы наблюдали в начале 2010-х, к картине практически тотального единомыслия в 2014–2015 годах.

С одной стороны, наш анализ является в известной степени техническим: нас интересует механизм того, как происходит мобилизация в условиях авторитарного режима с его искаженным политическим меню и как формируется картина подавляющей поддержки. С другой стороны, выдвигаемые гипотезы ставят более широкий вопрос о том, как мы должны понимать и интерпретировать социологические данные в условиях авторитарного режима и возрастающего авторитарного давления. Являются ли данные опросов общественного мнения при демократии и авторитаризме одним и тем же объектом, к которому должны применяться одни и те же интерпретационные процедуры?

Авторитарная мобилизация: фактор вовлеченности

Эффект политической мобилизации — «сплочения под знаменем» — был описан преимущественно на материале американской политической истории. Согласно общим представлениям, этот эффект возникает обычно в случае наличия внешней угрозы для нации (международного кризиса) при условии согласия основных элитных групп относительно интерпретации этой угрозы⁸. Условие элитного консенсуса считается очень важным, однако очевидно, что в условиях авторитарного режима консенсус элит является фиктивным: формирование одностороннего информационного потока достигается за счет контроля над СМИ и полной редукации элитной дискуссии. Причем подобная ситуация характерна вовсе не только для момента внешнеполитических кризисов. Кризисы характеризуются изменением интенсивности одностороннего информационного потока и внимания к нему аудитории, а также ростом нетерпимости к альтернативной точке зрения и репрессий против ее адептов.

Остановимся на первом эффекте — эф-

фекте интенсивности. Нет сомнения, что в 2014–2015 годах российское общество столкнулось с работой масштабной пропагандистской машины. Вот как описывала ситуацию одна из самых известных телекритиков и специалистов по российскому телевидению, журналистка Арина Бородина: “Начиная с февраля и до настоящего момента (июль 2014 года - К.Р.), подавляющая часть ежедневных выпусков новостей и итоговых программ трех главных федеральных телеканалов посвящена только теме Украины. Внутренняя жизнь России и ее граждан практически исчезла с экранов телевизоров... В среднем в течение трех месяцев в “Вестях” в 20:00 и в программе “Время” было по 10 сюжетов продолжительностью от 7 до 10 минут каждый, посвященных только одной теме и одной мысли — на Украине окопалась “киевская хунта”, которая ведет “карательную операцию”. <...> Новости вместо стандартных 20–30 минут ... продолжались по часу, а то и больше. Итоговые программы “Вести недели” (“Россия 1”) и “Воскресное Время” (“Первый”) еще с марта перешли на двухчасовой режим вещания. ...

Почти два месяца госканалы, часто без объявления, меняли свои программные сетки, смещали время выхода главных сериалов и популярных развлекательных программ”⁹. Несмотря на то, что война Украине не была объявлена, резюмирует журналистка, интенсивность информационного потока соответствовала нормам военного времени. По данным TNS Russia, доля новостной аудитории (среди тех, кто смотрел телевизор) выросла с 5,8% в сентябре 2013–январе 2014 до 6,5% в феврале 2014 и 8,4% в периоде с марта по август, т.е. доля новостей в просмотре выросла в среднем на 33%¹⁰.

В социологических данных эффект роста интенсивности информационного потока может быть продемонстрирован благодаря ежемесячному вопросу “Левада-центра” о наиболее запомнившихся событиях последних четырех недель. Просуммировав доли самых упоминаемых событий, мы получим индекс информационной вовлеченности респондентов в то, что предстает как основная общенациональная повестка (информационный мейнстрим). Как видно на Графике 5, индекс

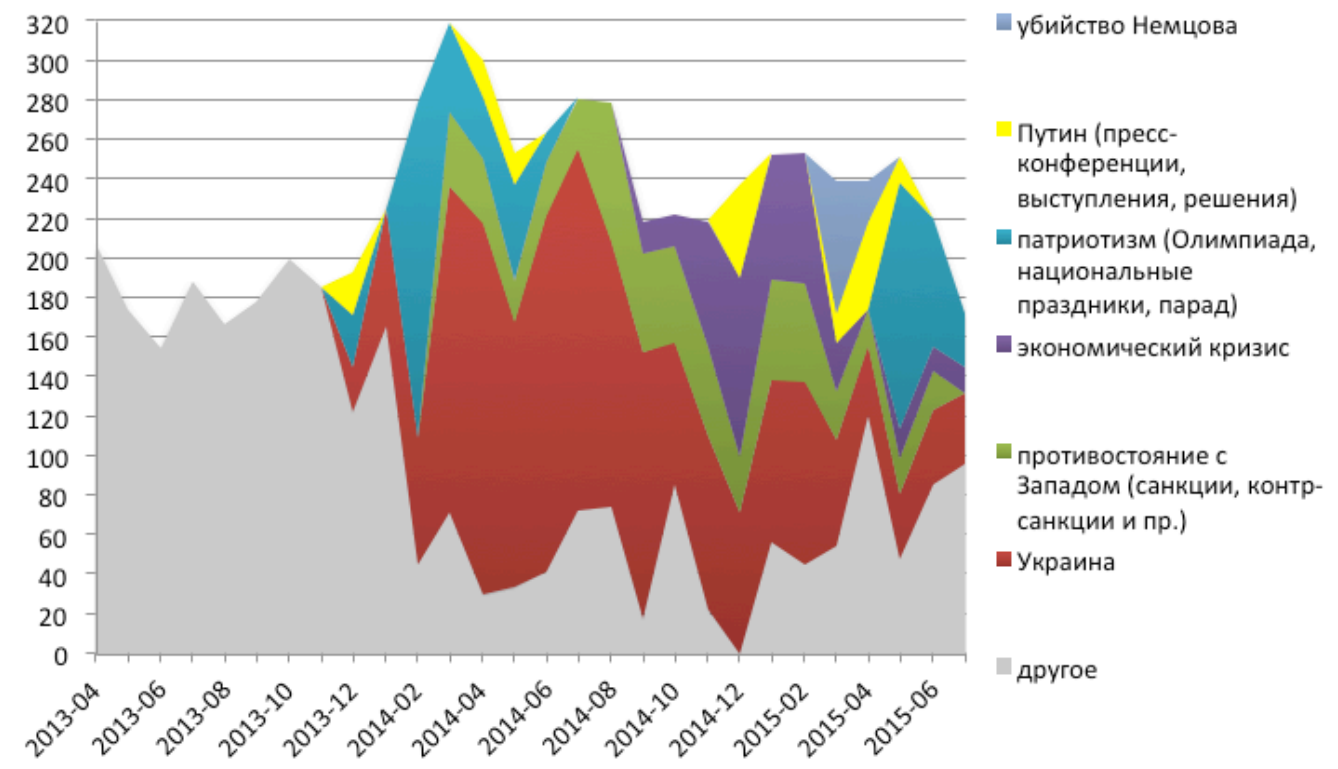

График 3. Индекс информационной вовлеченности, 2013 – 2015 годы, и его составляющие в декабре 2014 – июле 2015 годов

(сумма долей 10 наиболее упоминаемых событий) значимо меняется во времени: в течение 2013 года его среднемесячное значение составляло 187 пунктов, а с января по август 2014 года — 275 пунктов, т.е. число упоминаемых респондентами 10 наиболее запомнившихся событий выросло в полтора раза. По сути, это значит, что респондентам в полтора раза легче было вспоминать и указывать темы информационного мейнстрима, которые закрепились в их памяти. После затишья в сентябре — декабре 2014 года (среднемесячное значение 225 пунктов) в первой половине 2015 года индекс вновь вырос до 243 пунктов. В целом за 18 месяцев с января 2014 по июнь 2015 года среднемесячное значение индекса составило 253 пункта, в то время как за предыдущие 18 месяцев (с июня 2012 по декабрь 2013) — 184 пункта.

Ценность индекса в том, что он фиксирует результат усилий информационной машины: то, как информационная картина отложилась в памяти респондентов. Список запомнившихся событий формировался медийной (прежде всего — телевизионной) повесткой как до крымско-украинского кризиса, так и в посткрымском периоде, однако степень проникновения этой повестки, как мы видим, была разной.

Фактор вовлеченности выглядит особенно важным, если, вопреки стандартному взгляду, мы рассматриваем процесс изменений в общественном мнении с позиций “скептической школы”, исходящей из представления о достаточно низком уровне определенности, консистентности и устойчивости политических взглядов и предпочтений большинства граждан¹¹. В этом случае изменения баланса предпочтений зависят не только от элитного дискурса и характера разворачивающейся в нем дискуссии, но и от того, насколько достижимы оказываются различные группы избирателей для сигналов и аргументов этого дискурса. Особенно значимыми выглядят эти проблемы в условиях гибридных и авторитарных режимов с характерной для них слабой оформленностью партийных групп, раздвоенностью ценностной парадигмы и в результате — культивированной аполитичностью медианного избирателя¹².

Как показал Джон Заллер, вероятность и направление изменений общественных предпочтений в пользу тех или иных посылов и аргументов элитного дискурса тесно связаны с уровнем информированности респондентов. В то время как наименее информированные граждане просто не интересуются политической повесткой и в результате остаются недостижимы для этих посылов, хорошо информированные когорты имеют больше возможностей для сопротивления им; в итоге именно средне и слабо информированные когорты избирателей склонны с большей готовностью усваивать немногочисленные достигающие их внимания аргументы (так называемая RAS <response — acceptance — sample> model)¹³. Как это не раз подчеркивалось, несмотря на то, что подход “скептической школы” акцентирует важность элитного дискурса для формирования баланса предпочтений, это вовсе не означает, что граждане являются исключительно пассивной стороной. В условиях демократии СМИ отражают многообразие интерпретаций и аргументов, и, хотя интенсивность тех или иных информационных посылов будет влиять на распределение предпочтений, но и граждане (реципиенты) обладают собственной активной ролью в этом процессе, и в результате в том числе оказывают давление на характер элитного дискурса¹⁴.

В условиях авторитарного режима, контролирующего основные СМИ и манипулирующего информационной повесткой, граждане заведомо не получают адекватной картины элитной дискуссии и имеют дело с односторонним информационным потоком. Но и это не означает, что общественное мнение является полностью манипулируемым. Как мы видели, контроль основных СМИ не мог предотвратить снижение поддержки режима в начале 2010-х годов, и даже резкое ужесточение контроля и рост интенсивности пропаганды в 2013 году не привели к положительному сдвигу в оценках (см. График 1 и График 6 ниже).

Авторитарное меню и право на индифферентность

Динамика индекса информационной вовлеченности позволяет нам сформулировать ключевую гипотезу. В условиях авторитарного режима реакцией избирателей на неадекватность, односторонность информационной повестки, проявлением их неудовлетворенности становится растущая отчужденность, падение интереса к информационному мейнстриму, атрофия интереса к политике; в результате и уровень индоктринированности граждан снижается.

Можно предположить, что снижение поддержки режима в 2011–2013 годах коррелировало со снижением внимания медианного избирателя к информационному мейнстриму, формируемому управляемым телевидением, его аргументациям и продвигаемым доктринам. В результате односторонний информационный поток не достигает достаточного числа реципиентов, чтобы сформировать достаточно широкую когорту устойчивых лоялистов (эффективность пропаганды падает). В общем виде можно сказать, что в условиях конкурентной модели респонденты (граждане) делают выбор между представленными в мейнстриме конкурирующими интерпретациями А и Б, а в неконкурентной системе они совершают выбор между А и “ноль”, где “ноль” означает выключенность из информационной повестки, безразличие к текущим общественно-политическим дебатам. В дальнейшем те или иные события, непосредственно затрагивающие интересы граждан, могут либо заставить их вновь включиться в повестку мейнстрима, либо искать альтернативные интерпретации за его пределами. (Традиционный, нормативный подход требует от обывателя более высокой осведомленности и осознанности предпочтений, однако с позиций скептического реализма в нормальной ситуации предпочтения медианного избирателя есть рефлексии импульсов элитного дискурса; поиск альтернативных повесток и интерпретаций возможен лишь в ситуации кризиса, когда по тем или иным причинам доверие к мейнстримной повестке радикально подорвано.)

Культивируемые путинским телевидением в 2012–2013 годах темы экспансии педофилии и гомосексуализма, угрозы традиционным ценностям и церкви имели весьма ограниченный эффект и не могли остановить эрозию “телевизионного большинства”. А принципиально новые темы “возвращения Крыма” и войны “украинских националистов против русского населения” на востоке Украины втянули в “политическую аудиторию” слабо информированные когорты избирателей, которые раньше дистанцировались от политики, чувствовали себя некомпетентными в основных вопросах информационной повестки. Безусловно, в определенной мере эти темы вернули к телевизионным новостям и средне информированную когорту, которая в предыдущие годы, теряя интерес к новостному официозу, оказалась отчасти под влиянием альтернативных информационных повесток, в частности, повестки Болотной.

Иными словами, гипотеза состоит в том, что при авторитарном режиме в условиях одностороннего информационного потока лояльность граждан будет непосредственно связана со способностью удерживать их внимание на пунктах меню информационного мейнстрима (контролируемой информационной повестки), грубо говоря — удерживать аудиторию у экранов телевизоров (его общественно-политического вещания). Ослабление интереса граждан к этому меню будет коррелировать с общим снижением уровня поддержки режима. И наоборот: возвращение к экранам будет означать не просто рост поддержки по определенным актуальным вопросам, а фронтальный рост лояльности, рост общего уровня индоктринированности граждан.

Резкое изменение “политической аудитории”, тех, кто ощущает свою вовлеченность в политическую повестку, в значительной степени и демонстрирует нам динамика индекса вовлеченности. “Возвращение к телевизору” стимулировало рост общего уровня лояльности: доля телевизора в формировании картины мира, сократившаяся в предыдущем периоде, вновь выросла, что и отразилось в картине агрегированных предпочтений. Не имея возможности делать выбор между кон-

курирующими позициями относительно ключевых вопросов национальной повестки, граждане при авторитарном режиме делают выбор между “вниманием” и “невниманием” к предлагаемой официозом информационной картине.

К сожалению, вопрос о запомнившихся событиях регулярно задается “Левада-центром” лишь с середины 2012 года, т.е. имеющиеся данные позволяют сделать вывод о корреляции роста лояльности и индекса вовлеченности в 2014–2015 годах, но не позволяют проверить гипотезу о взаимосвязи снижения интереса к информационной повестке и общего снижения уровня лояльности в 2011–2012 годах. Гипотезу могли бы подтвердить замеры изменения уровня интереса к политике. Имеющиеся на этот счет данные не противоречат гипотезе, но достаточно фрагментарны (График 4). С учетом этого ограничения

даже чуть быстрее, а вот в 2014 году в когорте одобряющих Путина интерес к политике резко вырос и обеспечил рост интереса респондентов к политике в общей выборке (см. График 5).

Более надежным индикатором взаимосвязи информированности и лояльности представляется нам динамика ответов на вопрос “Назовите 5–6 политиков, которые вызывают у вас наибольшее доверие”. На Графике 6 представлены 1) доля респондентов, упомянувших в своих ответах Путина, 2) доля респондентов, не назвавших ни одного политика (варианты ответов: “нет таких”, “не интересуюсь политикой”, “затрудняюсь ответить”), и 3) совокупная доля упоминаемый четырех “политиков”, следующих за Путиным по популярности. В 2010–2013 годах состав этой четверки оставался неизменным: Медведев, Шойгу, Жириновский и Зюганов,

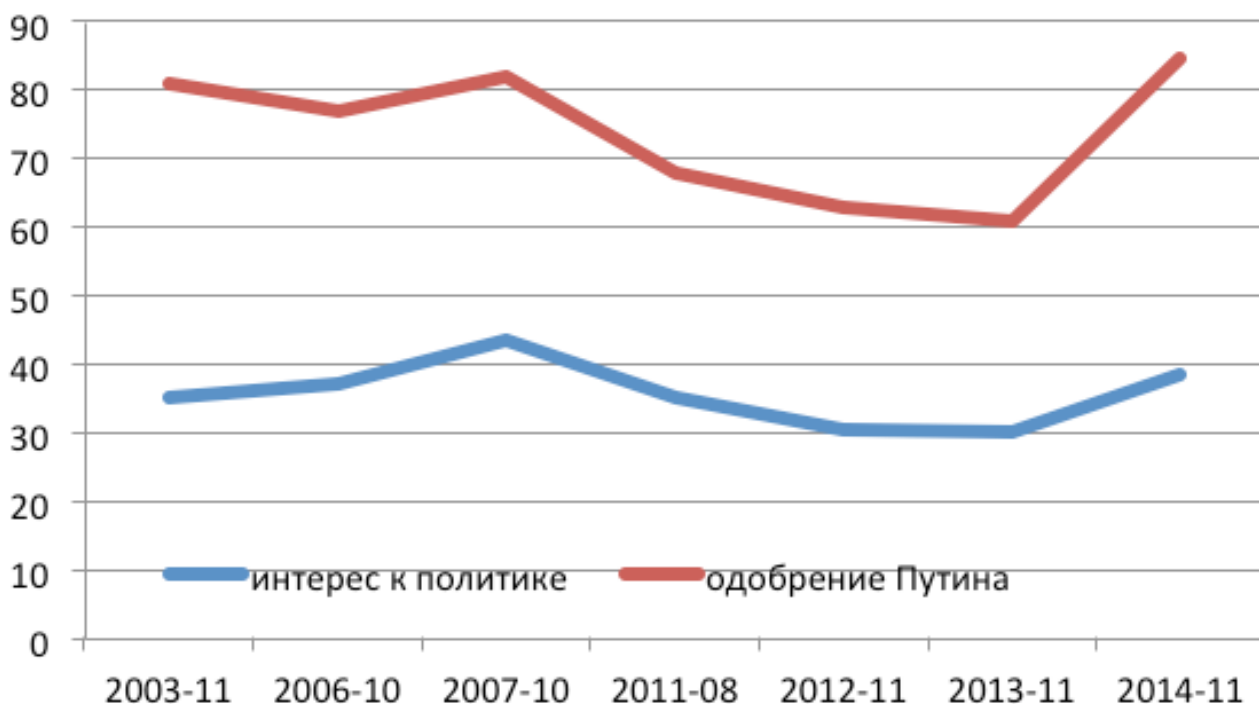

График 4. Доля респондентов, заявивших, что они интересуются политикой, и доля одобряющих В. Путина на посту президента/премьера в том же месяце

любопытным представляется даже не столько рост интереса к политике в посткрымском периоде, а то обстоятельство, что в предыдущие годы уровень интереса к политике несколько снижался, причем среди одобряющих Путина

однако в 2014–2015 годах в нее ворвался министр иностранных дел Лавров, выступающий в ходе крымско-украинского кризиса в качестве главного антизападного спикера.

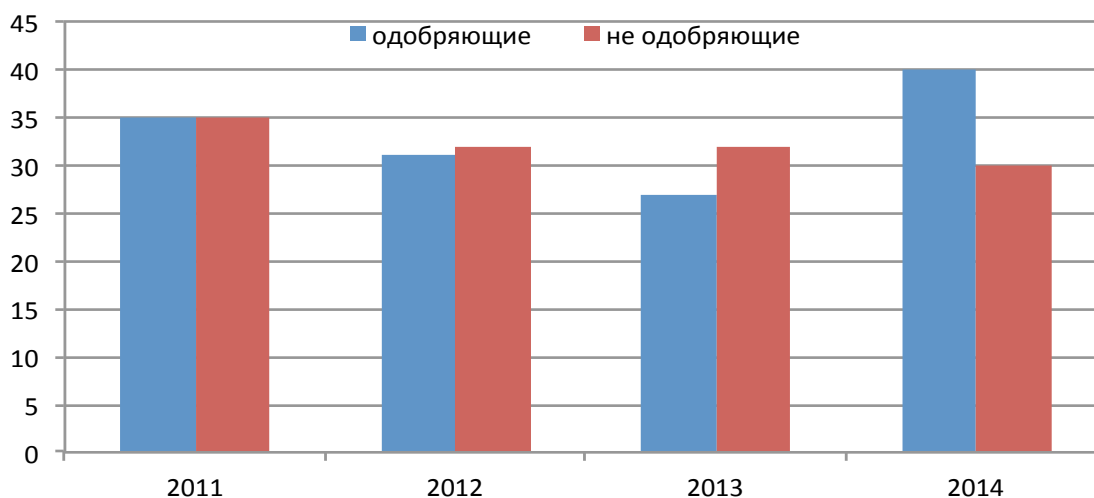

График 5. Кросс-тест: уровень интереса к политике среди одобряющих и не одобряющих Путина в 2011–2014 годах

Данный ряд позволяет взглянуть на весь период, включающий как фазу снижения поддержки режима (2011–2013 годы), так и ее восстановления (2014–2015). Все три показателя оказываются тесно связаны: снижение доверия к Путину с 48% в 2010 году до 40% в 2011–2012 и 35% в 2013 году коррелирует с ростом доли “отказавшихся” назвать кого бы то

ни было (38% в 2010 году, 41% в 2011–2012 и 45% в 2013 году) и снижением доли упоминаемой четверки (с 74 пунктов в 2010 году до 54 в 2013), и наоборот — рост доверия к Путину коррелирует со снижением доли отказников и ростом упоминаемости четверки. Последнее соотношение выглядит нетривиальным: в конкурентной модели следовало бы ожидать,

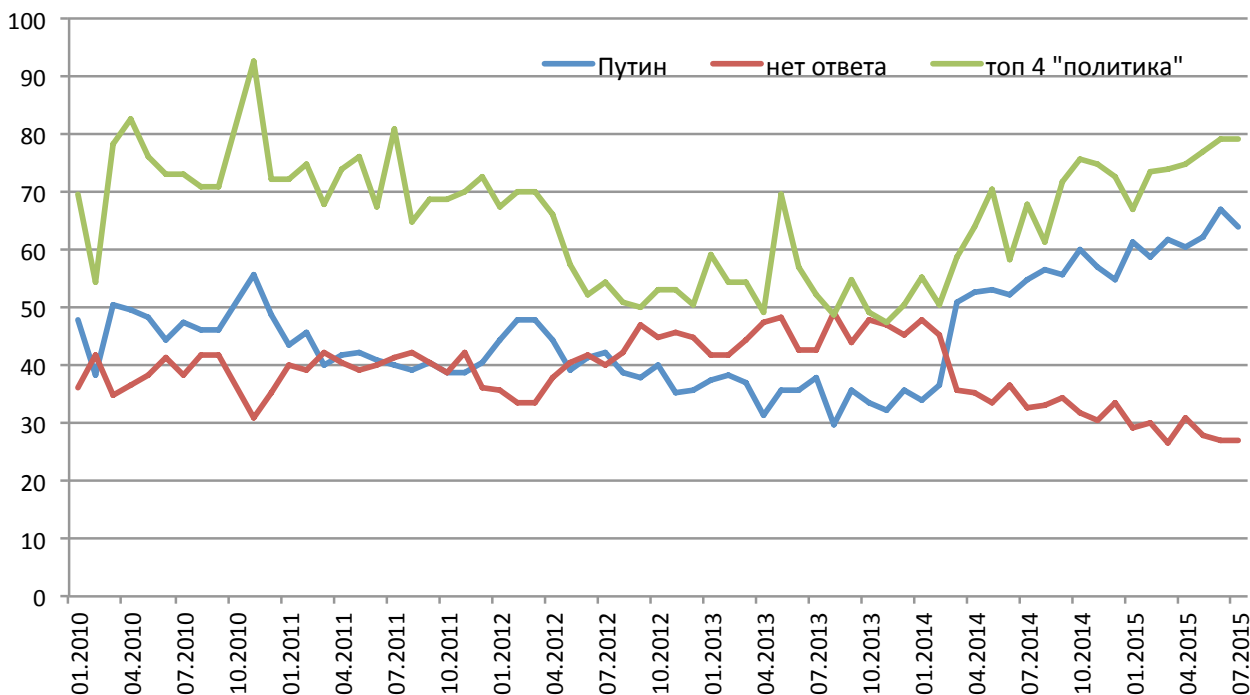

График 6. Динамика доверия к политикам, 2010–2015 годы

что снижение доверия к лидеру будет сопровождаться ростом интереса к другим политикам. В неконкурентной модели, как видим, все наоборот: снижение доверия к лидеру коррелирует с общим ростом индифферентности, проявляющимся как в отказе назвать каких-либо политиков, так и в снижении внимания к прочим персонажам основной информационной повестки.

Решительная битва между войной и нейтралитетом

Итак, в рамках скептического взгляда, предполагающего, что, за исключением хорошо информированных партийных групп, большая часть избирателей не имеет достаточно устойчивых, оформленных и непротиворечивых предпочтений, главная задача авторитарного режима заключается в том, чтобы “добраться” до граждан или еще точнее — удержать их у телевизора как можно дольше, актуализировав в их сознании комфортные для режима стереотипы и аргументы. Уровень лояльности официальной доктрине будет более или менее пропорционален проведенному перед экраном времени. Однако достичь этого бывает непросто, что и накладывает ограничения на всемогущество пропаганды. С дру-

индоктринированности будет выше.

В этом отношении “война” оказывается в целом идеальным информационным поводом, задевающим чувства наиболее аполитичных когорт. Такая ситуация перекликается с замечаниями Барбары Геддес и Джона Заллера относительно стратегий обеспечения поддержки в различных типах авторитарных режимов. Более жесткие режимы (которые обычно называют тоталитарными) создают мощные пропагандистские машины, целью которых является добраться до — в том числе — наименее образованных слоев, кооптируя их и обеспечивая тем самым поддержку наиболее консервативным доктринам, в то время как более мягкие авторитарные режимы, существующие в относительно благоприятных экономических условиях (как, например, бразильский авторитаризм 1970-х годов), ориентировались на поддержку средне образованных и средне информированных слоев¹⁵.

Иначе говоря, война как основная тема информационного мейнстрима является способом захвата (политической мобилизации) тех когорт и групп, которые чувствуют себя некомпетентными в повестках “мирного времени” и сторонятся “политического”. В целом между уровнем лояльности, уровнем образования и уровнем вовлеченности обнаруживаются нелинейные зависимости, требу-

Таблица 1. Динамика политической ангажированности и уровень образования, 2013 – 2014 годы, %

	всего	высшее образование	среднее специальное образование	среднее образование	ниже среднего
интересуются политикой (ноябрь 2013)	29,3	35,5	28,7	26,7	23,8
интересуются политикой (ноябрь 2014)	38,5	40,8	39,3	36,9	34,7
изменение	9,2	5,3	10,6	10,2	10,9

гой стороны, наибольший эффект пропаганды обеспечивает вовлечение в информационную повестку наименее информированных и вовлеченных в нее в прошлом граждан. В таком случае, согласно модели Заллера, эффект

более детального обсуждения и анализа. Ограничимся здесь одним наблюдением относительно отмеченного выше роста доли интересующихся политикой в 2014 году: если в докрымскую эпоху уровень интереса к по-

литике был положительно связан с уровнем образования, то в посткрымском замере разница в уровне интереса к политике образованных и менее образованных слоев сократилась, т.е. эффект вовлечения был выше среди менее образованных (Таблица 1).

Один из лозунгов политической кампании Алексея Навального 2012–2013 годов являлся текущий момент “решающей битвой между добром и нейтралитетом”. Этот лозунг указывал на усилия оппозиции по стимулированию альтернативной политической вовлеченности тех, кто в условиях неадекватности авторитарного меню отгораживался от политики, исключал себя из политической аудитории. В 2014 году Владимир Путин и его информационная машина противопоставили этой кампании свою битву “между войной и нейтралитетом”, которая и была на данном этапе блестяще выиграна в пользу “войны”.

Климат публичности и его динамика

Итак, рост индекса вовлеченности в 2014–2015 годах, по нашему предположению, свидетельствует о том, что мало информированные когорты, которые раньше чувствовали свою полную отчужденность от политики, теперь ощутили свою причастность к политическому благодаря стимулированному сочувствию “отделенным русским” на Украине, а также о том, что средне информированные когорты, которые в предыдущие годы теряли интерес к информационному мейнстриму, формируемому телевизионным официозом, теперь вернулись в аудиторию теленовостей. Два эти обстоятельства обеспечили как рост консервативных тенденций в динамике агрегированных предпочтений, так и общий рост лояльности, отразившийся в данных опросов. Однако описанный механизм политической мобилизации выглядит неполным: обратной стороной предпринимаемых авторитарным режимом усилий по вовлечению определенных когорт в состав “политической аудитории” является симметричное вытеснение из нее других когорт.

“Война” не только идеальный информа-

ционный повод для вовлечения деполитизированных когорт, но и идеальный фактор морального давления и оправдания репрессий против альтернативных мнений. Особенно эффективным выглядит сочетание формальных и неформальных (инициативных) репрессий. С этой точки зрения совершенно неважно, кто и за что убил Бориса Немцова, смерть которого заняла очень значительное место в информационной повестке, как видно на Графике 3. Главное, что знает обыватель о Немцове, — это то, что он “оппозиционер”, “против Путина”. Схожий эффект имеет стратегия популяризации репрессий: дело многодетной матери Светланы Давыдовой, обвиненной в государственной измене, получило значительный медийный резонанс (в том числе благодаря комментариям пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова) — в опросе об основных событиях о нем упомянули 4,5% респондентов национальной выборки. Так или иначе, уровень авторитарности (репрессивности) режима существенно возрастает в посткрымском периоде - расширяются ограничения для СМИ, а политическая оппозиция и гражданские структуры подвергаются массивному давлению, - и обретает новые основания легитимации.

Эта проблема не раз становилась предметом размышления социологов. Элизабет Нойман описала общий механизм сдвига картины агрегированных предпочтений под давлением того, что она называет “климатом мнений”¹⁶, а Тимур Куран объяснял феномен неожиданности революций эффектом “фальсификации предпочтений”, характерным для несвободных режимов¹⁷. Некоторая новизна предмета заключается в том, что сегодня социологи и политологи имеют дело со своеобразным “недемократическим континуумом”: гибридные полуавторитарные режимы, мягкие конкурентные авторитаризмы, жесткие диктатуры и пр. Более того, постепенное продвижение режима по этой шкале может происходить в том промежутке времени, на протяжении которого формируется имеющийся у нас массив социологических данных. В результате мы склонны рассматривать данные ответов на вопрос “одобряете ли вы Вла-

димира Путина на посту президента?”, полученные в 2001 и 2015 годах, как сопоставимые, игнорируя тот факт, что ситуация с политическими и гражданскими свободами, уровень плюрализма в медиа-среде и уровень репрессивности режима кардинально изменились. По сути, речь идет о том, насколько свободны люди в выражении своих политических предпочтений как в быту, так и в ситуации соци-

ологического опроса, и, соответственно, что отражают полученные в ходе опросов данные по наиболее политически “чувствительным” темам. Существенные сдвиги в этой сфере задокументированы самими социологами. Так, если в 2003 году примерно равные доли респондентов (около 50%) объявляли, что они интересуются и не интересуются данными социологических опросов, то в 2013–2015 годах

Таблица 2. Динамика климата публичности, 2005 – 2015 годы

Как вы думаете, люди в наши дни откровенно говорят о том, как они относятся к власти, к Владимиру Путину, или они скрывают то, что действительно думают об этом, %?				
	02-2005	01-2012	08-2013	07-2015
Откровенно	51	43	30	48
Половина откровенно, половина нет	23	27	33	31
Неоткровенно	22	24	31	17

Можете ли вы свободно говорить о своем отношении к политике, проводимой руководством страны?				
	08-2012	07-2013	08-2014	02-2015
Да, всегда и везде	29,3	32,8	38,0	38
Да, но с некоторыми ограничениями и не везде	34,3	31	27,7	33
Нет, не могу (боюсь или чувствую себя неловко)	12,9	10,9	5,6	10
У меня нет такой потребности	19,2	21,4	26,1	17
Затрудняюсь ответить	4,3	3,9	2,5	2

Как вы думаете, могут ли люди, которые во время социологических интервью критически высказываются в адрес властей, в дальнейшем подвергнуться преследованиям со стороны властей?		
	06-2009	08-2014
Определенно и вполне вероятно	22,6	28
Маловероятно	45,7	44,4
Исключено	20,9	16,8
Затрудняюсь	10,8	10,9

соотношение составляло 30% интересующихся к 70% не интересующихся.

Однако наиболее интересны для нас данные о том, насколько комфортным ощущают люди публичное выражение своих политических предпочтений в целом и общение на политические темы с интервьюерами в частности. Таблица 2, комбинирующая ответы на ряд вопросов, относящихся к этой теме, дает представление о некоторых характеристиках и тенденциях климата публичности.

В начале 2010-х годов наблюдается драматическое снижение доли тех, кто считает, что люди откровенно говорят о своем отношении к Путину и “власти”. Среди одобряющих Владимира Путина предсказуемо больше тех, кто верит в искренность ответов, однако и среди них в 2015 году таких лишь 50%. Столь низкий уровень доверия к чужим ответам, безусловно, указывает на дискомфорт публичности и может быть понят как проекция собственных чувств в отношении опросов. Лишь 30–40%

неправильные ответы признавал в 2015 году каждый четвертый, а среди антипутинистов таких оказалось 37% (Таблица 3).

Мобилизация и демобилизация: “выборы” общественного мнения

Приведенные данные в свою очередь проблематизируют одну из базовых презумпций социологических исследований, а именно — предположение о политической нейтральности решения о согласии респондентов участвовать в опросе. Социологические службы не публикуют на регулярной основе данные о коэффициенте достижимости при проведении опросов (response rate), однако известно, что он является сегодня для большинства исследований достаточно низким: в среднем не более 30–35% тех, к кому обращаются социологи, соглашаются участвовать в опросе¹⁸. Такой коэффициент не является свидетель-

Таблица 3. Кросс-тест: вероятность преследования в связи с критическими высказываниями в адрес властей в ходе социологического интервью и одобрение Путина

	2009		2015	
	одобряют Путина	не одобряют Путина	одобряют Путина	не одобряют Путина
определенно и вполне вероятно	22	24	26	37
маловероятно	46	44	46	36
исключено	21	22	18	13

респондентов не ощущают в 2010-е годы ограничений в публичном высказывании своего отношения к политике, проводимой руководством страны. Наконец, считают вполне вероятными преследования в связи со своими критическими ответами во время социологических интервью в среднем около четверти респондентов; при этом среди одобряющих Путина вероятность преследований за

ством низкой релевантности данных опроса в условиях нейтральной среды. Однако в условиях существующего или возрастающего авторитарного давления решение об участии в социологическом опросе может оказаться политически не нейтральным и приводить к селекции респондентов. В приведенных в Таблицах 2 и 3 данных отражено мнение тех, кто все же согласился разговаривать с соци-

ологами, и эти данные не позволяют отбросить гипотезу о существовании политически мотивированных отказов.

Таблица 4. Политически нейтральное и политически не нейтральное решение об участии в социологическом опросе.

	достижимость	"до Крыма"		"после Крыма"		изменили отношение к Путину	изменили отношение к участию	
		одобряют Путина 63%	не одобряют Путина 37%	одобряют Путина 85%	не одобряют Путина 15%		среди одобряющих	среди не одобряющих
политически нейтральное распределение								
участвовали	35	22,05	12,95	29,75	5,25	8	0	0
отказались	65	40,95	24,05	55,25	9,75	14	0	0
политически не нейтральное распределение								
участвовали	35			29,75	5,25	0		-8
отказались	65			33,25	31,75	0	+8	

Проверка гипотезы о существовании определенной доли политически мотивированных отказов требует специальных экспериментов, которые пока не проводились (нам даже неизвестно, как изменился коэффициент достижимости в посткрымском периоде). Вместе с тем представляется важным сформулировать рамку такого эксперимента, т.е. два предельно возможных случая. Ее арифметический вид, представленный в Таблице 4, достаточно прозрачен по смыслу.

В стандартной модели политически немотивированного решения об участии в соцопросе мы предполагаем, что в послекрымском периоде одинаковые доли среди согласившихся и не согласившихся участвовать в опросе изменили свое отношение к Путину в сторону большей лояльности. Альтернативный (предельный) вариант политически мотивированного распределения предполагает, что под влиянием массивного информационного потока и кампании против инакомыслия (осуждение "пятой колонны"), а так-

же свидетельств преследования оппозиции 8 человек (из ста), ранее сообщавших социологам о своем неодобрении Путина, теперь

отказались разговаривать с ними, в то время как 8 человек, ранее готовых в принципе поддержать Путина, но не уверенных в своей достаточной информированности и значимости своих предрасположенностей или испытывавших отчуждение от повестки информационного мейнстрима, теперь оказались вовлечены в него или осознали свои предрасположенности как общественно значимые и в результате, в том числе, с большей готовностью отзываются на просьбы интервьюеров. Между этими двумя вариантами существуют и промежуточные варианты, в которых какая-то часть избирателей меняет свои политические предпочтения, а кто-то "замолкает" или, наоборот, начинает говорить под влиянием изменившегося "климата мнений".

Если гипотеза о не-нейтральности решения об участии в социологическом опросе в условиях авторитарного давления верна, то она уточняет и наши представления о механизме действия пропаганды. Задача пропаганды состоит даже не столько в том, чтобы

переубедить аудиторию, сколько в том, чтобы вовлечь, захватить внимание и повысить склонность к проявлению своих предпочтений в одних когортах и вытолкнуть из пространства политического, заставить замолчать (понизить склонность к проявлению своих предпочтений) представителей других когорт. Именно этот эффект приведет к быстрому и значимому сдвигу балансов общественных предпочтений. Причем речь идет не только о решении участвовать или не участвовать в социологическом опросе, но и о более общем решении выражать или не выражать публично свои предрасположенности и предпочтения, которое, в свою очередь, становится важнейшим фактором изменения «климата мнений».

Мы вовсе не хотим сказать, что помимо той картины агрегированных предпочтений, которую дают нам результаты опросов, есть какая-то другая, более «реальная» картина. Речь скорее идет об интерпретации той картины, которую дают нам опросы, о том, в какой степени они являются отражением «глубинных структур» массового общественного сознания, а насколько — отражением ситуативных мобилизаций. Все три упомянутые выше концепции — «фальсификация предпочтений» Курана, «спираль молчания» Ноэль-Найман и RAS model Заллера — сходны в том, что акцентируют внимание на моменте принятия решения респондентом о том или ином ответе и на тех факторах, которые играют роль фильтра между предрасположенностями (в терминологии Заллера) и фактическими ответами (экстернализованными предпочтениями), такими как созвучность достигающим респондента авторитетным суждениям (элитный дискурс), созвучность «желательному», т.е. понимаемому как господствующее в обществе, мнению, приемлемость возможных моральных и прочих издержек в связи «неправильным» ответом и пр. Эти фильтры не являются чем-то внеположным общественному мнению, а напротив, как подчеркивает Ноэль-Нойман, являются механизмами социализации и социальности, и потому не могут рассматриваться как шумы.

В такой перспективе срез общественного мнения в гораздо большей степени похож на

ситуацию выборов. Как известно, результат выборов далеко не всегда совпадает с картиной баланса предпочтений, полученной социологами. В итогах голосования баланс будет сдвинут в пользу того кандидата, сторонники которого в большей степени мобилизованы, т.е. уверены в значимости своего похода к избирательным урнам. Но точно также картина общественного мнения будет сдвинута в пользу тех когорт и групп, которые в большей степени склонны в данный момент экстернализовать свои предрасположенности, убеждены в их общественной значимости и готовы их публично выражать, в том числе и отвечая на вопросы интервьюера.

Заключительные замечания: «война» и «кризис»

Такая перспектива не то чтобы дает более адекватное понимание общественных настроений, но лучше объясняет механизмы среднесрочных сдвигов агрегированных предпочтений и амплитуду этих сдвигов. Подобно тому как мобилизационная кампания оппозиции в 2011–2012 годы способствовала кристаллизации демократического спроса в общественном мнении и «протестное движение» неожиданно для всех явилось на сцену русской истории, крымско-украинская кампания Путина 2014 года, поддержанная мощью пропагандистской машины, способствовала кристаллизации консервативных предпочтений, убеждая одних, что их предрасположенности чрезвычайно значимы для социума в данный момент, а других — что соответствующий набор предпочтений является для данного социума нормой. В такой ситуации картина агрегированных предпочтений будет в значительной степени зависеть не от баланса закрепленных предрасположенностей, а от того, какие группы будут чувствовать себя в данный момент достаточно компетентными и вовлеченными, чтобы экстернализовать те или иные предрасположенности. В результате мобилизации меняются не столько предпочтения и предрасположенности, сколько состав и «плотность» вовлеченной в политическую повестку общности граждан.

Возвращаясь к началу, еще раз отметим, что консервативная мобилизация 2014–2015 годов имела, на наш взгляд, определенную почву прежде всего в динамике социально-экономических процессов: расширении масштабов нерыночного перераспределения ресурсов и росте благополучия, не связанного с экономическим ростом. Однако, на наш взгляд, это способствовало скорее идеологической консолидации “партии ренты”, консерватизм которой отличается от традиционного “адаптивного” консерватизма патерналистского уклада и гораздо более артикулированно формулирует свою приверженность идеям “ограниченного доступа” и корпоративистским принципам. Идеологическая консолидация позволила сформировать отряд “лидеров мнений”, сформировать, наконец, “партию Путина”. Однако эта партия вряд ли является не только сверхбольшинством, но и простым большинством. Для формирования сверхбольшинства потребовалось ввести общество в экстремальное состояние, по сути имитирующее состояние войны.

Соответственно, возможные будущие сдвиги общественных настроений будут связаны с обратным процессом демобилизации мобилизованных когорт и возвращением демобилизованных в состав “политической аудитории”. В этой перспективе два главных вызова, которые стоят теперь перед путинским режимом, — это возвращение к “мирной повестке” и продолжающийся экономический кризис. Возвращение к мирной повестке, скорее всего, обнаружит, что консервативный консенсус “военного времени” является в значительной степени мнимым. График 2 демонстрирует, что, хотя сторонники централизованной (путинской) модели управления опять оказались в большинстве (50 против 35), но большинство это неустойчиво. Манипулятивный эффект мобилизации заключается в навязывании собранной при ее помощи

коалиции дополнительных пунктов повестки (эффект “резолуции митинга”). И наличие его в картине посткрымского консенсуса не сложно показать на дополнительных примерах. В этой ситуации продолжение “войны” выглядит предпочтительным решением, однако “войне” нужны “победы”, а их цена для режима возрастает.

Что касается экономики, то “война” и “экономический кризис” являются своего рода антитепами и конкурентами с точки зрения их влияния на динамику общественного мнения. Будучи вполне сопоставимыми по масштабам “захвата” аудитории, создаваемые этими событиями информационные потоки действуют в противоположном направлении: “война” упрощает повестку, давая слабо информированным когортам почувствовать свою компетентность и вовлеченность — экономический кризис, напротив, заставляет и мало, и средне информированные когорты почувствовать свою недостаточную компетентность и “замолчать”, понизить самооценку своих предпочтений и предрасположенностей. Стресс, пережитый обществом, в особенности его наиболее информированной частью, включая и значительную часть элит, выглядит сегодня очень серьезным — что, безусловно, является ресурсом политического режима, дающим время на то, чтобы закрепить или даже расширить достигнутый уровень авторитарности и репрессивности. Но спрогнозировать динамику этого стресса сегодня довольно сложно, как и представить масштаб “похмелья”, которое испытает население в связи с дальнейшим ухудшением экономической ситуации. Парадоксальным образом нынешний экономический кризис закрепится теперь, по всей видимости, в массовом сознании как результат “крымского” решения Путина. В среднесрочной перспективе эта ассоциация не сулит Путину ничего хорошего. Если цены на нефть, конечно, опять не пойдут вверх.

Примечания

- 1 Все социологические данные, приведенные в настоящей статье, основаны на опросах “Левада-центра” (до 2008 года — ВЦИОМ); данные почерпнуты на сайте “Левада-центра” (www.levada.ru), в архиве “Левада-центра”, а также из Единого архива социологических данных (www/sophist.hse.ru); по техническим причинам в разных случаях мы используем взвешенные и невзвешенные данные, не оговаривая этого специально, расхождение не превышает 1,5 п.п. Выражаю свою глубокую признательность Арине Бородиной, Льву Гудкову и Карине Пипия за неоценимую помощь в работе.
- 2 Подробно об этом см. Рогов К.Ю. *Политические циклы постсоветского транзита* // Pro et Contra. 2012. № 4-5. С. 56.
- 3 См., напр., Паин Э.А. *Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья* // Pro et Contra. 2014. Т. 18. №1-2; Дубин Б.В., “Чужие” национализмы и “свои” ксенофобии вчерашних и сегодняшних россиян // Pro et Contra. 2014. Т. 18. №1-2; LARUELLE M. *Alexei Navalny and challenges in reconciling “nationalism” and “liberalism”* // Post-Soviet Affairs. 2014. Vol. 30. №4. P. 276–297.
- 4 TREISMAN D. *Putin’s popularity: Why did support for the Kremlin plunge, then stabilize?* // Post-Soviet Affairs. 2014. Vol. 30. Issue 5.
- 5 Данные Платежного баланса. URL: <http://www.cbr.ru/statistics> (доступ 27.08.2015).
- 6 Рогов К.Ю. *Ресурсный национализм. Политэкономика реакции* // Ведомости. 2014. 8 октября. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/08/politekonomiya-reakcii> (доступ 27.08.2015); и Рогов К.Ю. *Ресурсный национализм — от ЮКОСа до Крыма* // Ведомости. 2014. 15 октября. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/15/resursnyj-nacionalizm-ot-yukosa-do-kryma> (доступ 27.08.2015)
- 7 Гудков Л.Д. *Ресентиментный национализм* // Вестник общественного мнения. 2014. Т.118. № 3–4
- 8 См. BAKER W. D., ONEAL J.R. *Patriotism or opinion leadership? The nature and origins of the “rally’round the flag” effect* // Journal of Conflict Resolution. 2001. Vol 45. №5. P 661–687; и — HETHERINGTON, M. J., NELSON M. *Anatomy of a rally effect: George W. Bush and the war on terrorism* // Political Science and Politics. 2003. Vol 36. №1. P. 37–42.
- 9 Бородина А. *Телевизор Олимпиады и Украины: рекорды пропаганды* // Forbes online. 2014. 3 июля. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-opinion/konkurenciya/261539-televizor-olimpiady-i-ukrainy-rekordy-propagandy> (доступ 27.08.2015)
- 10 СОБОЛЕВ С. *TNS зафиксировала исторический рекорд интереса к теленовостям* // РБК. 2014. 20 ноября. URL: http://top.rbc.ru/technology_and_media/20/11/2014/546dff7bcb-20f48e98df5fa (доступ 27.08.2015)
- 11 См. CONVERSE P. *The Nature of Belief Systems in Mass Publics* // In Ideology and Discontent, Ed. David Apter. New York: Free Press, 1964; и Zaller J. *The nature and origins of mass opinion*. Cambridge: Cambridge university press, 1992.
- 12 См. Гудков Л.Д. *Цит. соч.*
- 13 ZALLER J. *Op. cit.*
- 14 *Ibid.*
- 15 GEDDES B., ZALLER J. *Sources of Popular Support for Authoritarian Regimes* // American Journal of Political Science. 1989. Vol. 33, №2. P. 319-347
- 16 Ноэль-Нойман Э. *Общественное мнение. Открытие спирали молчания*: Пер. с нем./Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996
- 17 KURAN T., *Private Truths, Public Lies*. Cambridge MA: Harvard University Press, 1995
- 18 Гудков Л.Д. *На зеркало неча пенять, коли рожа крива* // Вестник общественного мнения. 2012. Т. 11. №1 .